
Георгий Кандратов
Аналоговый щит власти
Манифест суверенного управления в эпоху цифрового роя

Георгий Кандратов

Аналоговый щит власти Манифест суверенного управления в эпоху цифрового роя

https://litres.ru/74819459
SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга написана в жанре философской публицистики и задумана как интеллектуальный манифест суверенного человека на великом технологическом переломе. Мы вступаем в эпоху, когда искусственный интеллект перестает быть просто удобным калькулятором и начинает претендовать на роль управленца, законодателя и судьи. В этом введении автор объясняет, почему нельзя останавливать прогресс, но смертельно опасно отдавать штурвал государства бездушному коду, а также знакомит читателя с тремя собеседниками, чей спор пройдет через все три ветви власти.

Георгий Кандратов Аналоговый щит власти Манифест суверенного управления в эпоху цифрового роя

ВВЕДЕНИЕ. На пороге новой эпохи

От автора для читателя: Эта книга написана в жанре философской публицистики и задумана как интеллектуальный манифест суверенного человека на великом технологическом переломе. Мы вступаем в эпоху, когда искусственный интеллект перестает быть просто удобным калькулятором и начинает претендовать на роль управленца, законодателя и судьи. В этом введении автор объясняет, почему нельзя останавливать прогресс, но смертельно опасно отдавать штурвал государства бездушному коду, а также знакомит читателя с тремя собеседниками, чей спор пройдет через все три ветви власти.

Человечество стоит на пороге самой глубокой трансформации со времен изобретения письменности и печатного станка. Искусственный интеллект, большие данные и сквозные цифровые платформы стремительно меняют саму

ткань государственного управления. Еще вчера казалось, что цифра принесет обществу идеальную прозрачность, избавит граждан от чиновничьего произвола, а суды и парламенты — от ошибок и волокиты. Но чем глубже алгоритмы проникают в кабинеты власти, тем острее встает главный вопрос XXI века: кто в конечном счете будет управлять судьбой страны и отдельного человека — живая человеческая воля или бездушный программный код?

Мы вступили в сложный, противоречивый переходный период, когда прежние государственные механизмы уже не справляются с лавиной информации, а новые цифровые системы еще только учатся работать. В этом гибридном пространстве рождается опасный соблазн: переложить тяжесть выбора, риск ошибки и нравственную ответственность на «беспристрастный» алгоритм. Чиновнику удобно спрятаться за сбой программы. Законодателю — превратить живой язык права в сухой машиночитаемый код. Судье — положиться на статистику вероятностей вместо мучительного поиска истины.

Остановить технологическую революцию невозможно, да и не нужно: государство, которое затормозит свое развитие, неизбежно проиграет конкуренцию за будущее и утратит суверенитет. Но победит в грядущем столетии не та держава, которая заменит людей роботами, а та, которая сумеет оседлать машину и воздвигнуть надежный Аналоговый Щит Власти — нерушимую систему сдержек, где высшее право

окончательного решения, сострадания и персональной ответственности навсегда закреплено за суверенным Человеком.

Перед вами не сухой юридический трактат и не футурологический прогноз. Эта книга создана на стыке философской публицистики и практического государствоведения как интеллектуальный манифест эпохи перемен. Наследуя классическую традицию философских диалогов, автор отказывается от кабинетной скуки и односторонних лозунгов, приглашая читателя в необычное путешествие. На рассвете, в пустых залах и коридорах трех ветвей государственной власти — Исполнительной, Законодательной и Судебной — сходятся в откровенном споре трое собеседников, воплощающих саму связь времен:

• Человек прошлый (Homo praeteritus) — хранитель исторической памяти, традиций, сакрального смысла Присяги и горьких уроков великих крушений, напоминающий, почему рушились империи, когда их элиты теряли совесть и связь с народом.

• Человек настоящий (Homo praesens) — жесткий государственник и прагматик сегодняшнего дня, удерживающий страну на плаву в эпоху штормов, переходного полуручного управления и противоречий между силой державы и правами гражданина.

• Человек будущий (Homo futurus) — холодный аналитик грядущего века алгоритмов, показывающий нам блеск

и смертельные ловушки мира, где искусственный интеллект готов взять на себя функции правителя, депутата и судьи.

В их диалоге у черты действия, под сводами парламента и под сенью судебного герба нет простых ответов. Но именно в столкновении их правд рождается формула суверенного управления нового века — та мера, которая позволит нам сохранить живую душу государства, защитить достоинство каждого гражданина и подчинить силу машин человеческой совести.

«История свидетельствует, что диктаторские режимы появляются не там, где власть сильна и эффективна, а там, где она слаба и беспомощна. Единственным бастионом, который может надежно защитить свободы, является сильная власть, способная обеспечить интересы народа».

А Иосиф Сталин закрепил фундамент возрожденной вертикали, доказав, что никакие директивы не спасут страну, если вырождаются люди:

«Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях "кадры решают всё"».

И эта стальная советская вертикаль десятилетиями держала полмира, но в девяностые годы история совершила страшный, зеркальный виток, и великий Советский Союз рухнул по тем же самым внутренним причинам, что и Российская империя. — Человек прошлый (Homo praeteritus)

с болью посмотрел на собеседников. — Когда постаревшая, забронзовевшая номенклатура утратила живую веру в собственные идеалы и забыла о служении народу, в систему запустили разрушительные вирусы «перестройки», «гласности» и «ускорения» без ясной цели и железной дисциплины. Страна вновь утонула в бесконечных, бесплодных дебатах на съездах и в парламенте, где громкие лозунги о демократии подменили реальное управление экономикой. Искусственно созданный дефицит и пустые полки магазинов сломали доверие граждан, а паралич исполнительной воли в центре развязал руки сепаратистам и казнокрадам на местах. Как и в семнадцатом году, огромная держава развалилась не из-за слабости своих базовых скреп, а потому, что живые носители власти в критический час предали собственный долг, обменяв величие страны на личные привилегии и иллюзию легкого комфорта. Прошлое рухнуло не потому, что его скрепы были плохи, а потому, что живые носители власти перестали им соответствовать.

ГЛАВА 1. МЕЧ И РЕГЛАМЕНТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО РОЯ

Раздел I: Дискурс у черты действия

От автора для читателя: В этом разделе раскрывается подлинная механика исполнительной власти — той силы, которая превращает букву закона в реальное действие. На стыке трех эпох читатель увидит не просто парадные фасады управления, а скрытые причины его крушений и трансфор-

маций: как работала сакральная вертикаль прошлого и почему она дважды рухнула, на чем держится полуручной цифровой аппарат настоящего и какая внутренняя трещина способна его обрушить, а также как оседлать технологическую революцию будущего, воспитав новое поколение суверенных управленцев. Это разговор о том, как сохранить живое человеческое лицо государства и превратить искусственный интеллект в надежный инструмент в руках человека.

В холодный предрассветный час, когда тяжелые геометрические контуры правительственного комплекса едва проступали сквозь серую ноябрьскую изморозь, трое остановились у массивного контрольно-пропускного пункта. Перед ними разворачивалась реальная, монументальная картина современной государственной силы: безупречно вычищенные гранитные пандусы, зеркальные плоскости бронированных стекол, отражающие редкие огни, и тяжелые стальные заграждения, перекрывающие въезд на внутреннюю территорию. У въездных ворот в строгой неподвижности замерли сотрудники охраны в темной спецодежде — их силуэты, сосредоточенные лица, выверенные движения и холодные рукояти табельного оружия олицетворяли собой надежный, физический контур исполнительной воли, удерживающий порядок на главном рубеже. Но за этой осязаемой человеческой броней, в цокольных этажах монументального комплекса, уже угадывался иной, скрытый пульс эпохи — плотный, непрерывный гул сотен мощных серверных шкафов, круглосуточ-

но обрабатывающих и структурирующих гигантские потоки цифровых данных. Именно здесь, на стыке физической силы охраны и невидимой энергии алгоритмов, развернулся глубокий спор о том, как держатся, почему рушатся и во что перерождаются великие государственные вертикали.

— Исполнительная власть в прежние века строилась на сакральном авторитете, личной верности и нерушимом триединстве Веры, Царя и Отечества, — весомо произнес Человек прошлый (Homo praeteritus), глядя на безупречный гранитный фасад. — Древнекитайский мудрец Лао-цзы в трактате «Дао дэ цзин» определил высший идеал правления, которое не душит народ мелочным надзором:

«Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те, кто требует от народа его любить и возвышать. Ещё хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает».

В нашем отечестве сила управления держалась на священном институте Присяги и фигуре Царя — Помазанника Божьего, выступавшего живым символом высшей справедливости. Чиновник или офицер в строю принимали клятву пред святым Крестом и Евангелием не бездушному аппарату, а конкретному носителю Божественной воли. Реформы графа Михаила Сперанского опирались на убеждение, что государственный служащий — это одушевленное человеческой совестью лицо, обязанное блюсти честь и государ-

ственный долг. Британский премьер Уинстон Черчилль точно сформулировал этот закон:

«Наша ответственность прямо пропорциональна нашей власти. Там, где большая власть, там и большая ответственность, где меньше власти, там меньше ответственности, а где нет власти, не может быть и речи об ответственности».

Так было, и эта система веками удерживала огромную империю. Но вы спросите: почему же, если всё было столь монолитно и сакрально, эта великая машина рухнула в одночасье в семнадцатом году? — Человек прошлый (Homo praeteritus) горько усмехнулся. — Она рухнула потому, что изнутри её разъели конкретные, смертельные язвы: тяжелейшие неудачи и поражения в Первой мировой войне, стремительное падение веры в народе, разлагающая дух власти распутинщина, повальное пьянство и бесстыдное казнокрадство. Высший государственный механизм погряз в бесплодных, ни к чему не приводящих дискуссиях в Государственной думе и губительной министерской чехарде кадровых назначений, когда министры сменялись быстрее, чем успевали вникнуть в дела. Живой дух Присяги внутри верхушки выветрился, подменившись сословным высокомерием, фаворитизмом и глухой оторванностью от реальных нужд народа. Когда в критический час кризиса и войны элита утратила волю к действию и перестала слышать землю, священные скрепы превратились в пустой ритуал. Сменивший монархию глава Временного правительства Александр Керенский

в мемуарах «Катастрофа» описал агонию власти, разрушившей старую дисциплину, но побоявшейся применить силу: она захлебнулась в собственных декларациях и рухнула за несколько месяцев. И только когда пришли люди железной воли, понявшие, что государство без вертикали мертво, машина заработала вновь. Владимир Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» жестко требовал:

«Беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы... безусловно необходимо».

Президент США Франклин Рузвельт в «Беседах у камина» подтвердил эту суровую истину:

«История свидетельствует, что диктаторские режимы появляются не там, где власть сильна и эффективна, а там, где она слаба и беспомощна. Единственным бастионом, который может надежно защитить свободы, является сильная власть, способная обеспечить интересы народа».

А Иосиф Сталин закрепил фундамент возрожденной вертикали, доказав, что никакие директивы не спасут страну, если вырождаются люди:

«Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры. Надо понять, что при наших нынешних условиях "кадры решают всё"».

И эта стальная советская вертикаль десятилетиями держала полмира, но в девяностые годы история совершила страшный, зеркальный виток, и великий Советский Союз

рухнул по тем же самым внутренним причинам, что и Российская империя. — Человек прошлый (Homo praeteritus) с болью посмотрел на собеседников. — Когда постаревшая, забронзовевшая номенклатура утратила живую веру в собственные идеалы и забыла о служении народу, в систему запустили разрушительные вирусы «перестройки», «гласности» и «ускорения» без ясной цели и железной дисциплины. Страна вновь утонула в бесконечных, бесплодных дебатах на съездах и в парламенте, где громкие лозунги о демократии подменили реальное управление экономикой. Искусственно созданный дефицит и пустые полки магазинов сломали доверие граждан, а паралич исполнительной воли в центре развязал руки сепаратистам и казнокрадам на местах. Как и в семнадцатом году, огромная держава развалилась не из-за слабости своих базовых скреп, а потому, что живые носители власти в критический час предали собственный долг, обменяв величие страны на личные привилегии и иллюзию легкого комфорта. Прошлое рухнуло не потому, что его скрепы были плохи, а потому, что живые носители власти перестали им соответствовать.

Человек настоящий (Homo praesens) не стал отводить взгляд и ответил твердо, без тени оправдания, словно человек, привыкший держать удар на передовой управления.

— Ты судишь с высоты прошедших веков, старик, но забываешь, в какой шторм мы удерживаем корабль государства, — весомо произнес Человек настоящий (Homo

praesens). — В Настоящем у нас не было роскоши десятилетиями шлифовать ритуалы. На нашу долю выпало крушение прежнего миропорядка, беспрецедентное внешнее давление, попытки удушить страну тотальными санкциями и разорвать её суверенитет. В такой час красивая сакральность прошлого без скорости и жесткого управления превращается в беспомощность семнадцатого года. Мы соединили волю вертикали с цифровой сетью не от любви к интерфейсам, а ради выживания. Именно скорость электронных контуров и централизация решений позволили экономике и государству выстоять там, где любая неповоротливая машина прошлого рухнула бы за считанные месяцы.

Но сила прагматика в том, чтобы смотреть правде в глаза без иллюзий. За витриной бытовых госуслуг и электронных платформ скрывается тяжелая, противоречивая реальность. Никакого идеального автопилота не существует. Вместо обещанного секундного межведомственного обмена аппарат погряз в «лоскутной» цифровизации, где базы разных ведомств не видят друг друга, а каждый электронный шаг по-прежнему страхуется тоннами бумажных отчетов. Без прямых указаний сверху и личной воли первого лица эта громоздкая машина мгновенно вязнет в согласованиях. Как справедливо отмечал Лев Троцкий в работе «Немецкая революция и сталинская бюрократия», любой аппарат со временем начинает работать только на себя:

«Бюрократия обладает таким же инстинктом самосохра-

нения, как и всякий другой социальный организм. Но её самосохранение означает прикрытие собственных ошибок, замазывание противоречий и подавление критики».

А Мао Цзэдун оставил убийственный диагноз управленцу, подменившему реальную работу красивыми цифрами на бумаге и экране:

«Раздутые в голове, слабые в ногах, острые на язык, но пустые внутри — вот портрет бюрократа, оторванного от жизни».

В Настоящем цифровые метрики стали для части чиновников броневым щитом. Заведующий Лабораторией цифровой трансформации госуправления ВШЭ Евгений Стырин прямо указывает в своих исследованиях, что опора на сухие KPI размывает персональную подотчетность: вину за провал всегда можно списать на «сбой программы». Одновременно государство вынуждено бороться за монополию на управление — основатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб в книге «Четвертая промышленная революция» точно зафиксировал этот вызов:

«Правительства должны адаптироваться и к тому, что власть под воздействием этой промышленной революции зачастую переходит от государства к негосударственным субъектам... В XXI веке власть проще получить, но труднее использовать и легче потерять».

Так есть сейчас: наша система держится на скорости цифровых сетей, жесткости административного контура и по-

луручном управлении, вполне закономерном для нынешнего переходного периода эпохи искусственного интеллекта. Старые механизмы еще не ушли, а новые алгоритмы только учатся работать. Но я лучше вас обоих вижу ту опасную черту, за которой сила может обернуться хрупкостью. В момент затяжного исторического шторма конструкция рискует дать трещину из-за четырех системных перекосов. Первый из них — слепота цифрового автоматизма: в нештатной ситуации нестыковки между базами данных оборачиваются беззащитностью человека перед машиной, когда алгоритм срабатывает мгновенно и слепо, а исполнитель на местах боится отменить ошибочное электронное решение без окрика сверху. Второй перекос — ловушка полуручного управления, парализующая инициативу: руководитель застывает между старыми директивами и новыми цифровыми регламентами, боясь проявить самостоятельность в кризис. Третий излом — ослабление правовой защиты гражданина перед лицом чрезвычайных полномочий аппарата: когда административный нажим преобладает над независимостью арбитража, человек остается один на один с системой. Наконец, четвертая трещина — подмена реальных дел виртуальными показателями эффективности: пока есть резервы, гладкие цифры на экранах маскируют разрыв между докладами и землей, но длительный кризис беспощадно обнуляет бумажные успехи. Наша задача сегодня — пройти по этому лезвию бритвы, удержав страну и не дав аппарату застыть в самообмане.

Человек будущий (Homo futurus) поднял взор к хмурому небу, где сквозь облака пробивались первые блеклые лучи солнца, освещая контуры высотных антенн и правительственных кварталов.

— Ваша бюрократическая трусость и страх ответственности неизбежно приведут к тому, что в Будущем сама природа исполнительной власти переродится окончательно, — спокойно, но весомо произнес Человек будущий (Homo futurus). — Раз чиновник Настоящего так жаждет спрятаться за регламент, машина будущего с радостью освободит его от мук выбора. При этом не стоит тешить себя иллюзией, будто власть грядущего века откажется от грубого принуждения. Напротив, силовой аппарат никуда не исчезнет — он лишь обретет идеальный цифровой поводок и всевидящее око. Исполнительная вертикаль превратится в тотальный «Паноптикум», описанный французским философом Мишелем Фуко в книге «Надзирать и наказывать», где невидимый надзор, сортировка людей по цифровым профилям и жесткая физическая сила сливаются в единый карательный механизм:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.